

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81

Л.В. Гриченко

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

rgrichenko@yandex.ru

ПОСЛОВИЧНЫЙ ТЕКСТ: МАРКЕРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ VS ОБЩНОСТИ

[Grichenko L. Proverbial text: markers of linguacultural specificity vs identity]

The given article deals with some markers of linguacultural specificity and identity in proverbial texts. The author points out that a proverb may be regarded as a special type of linguacultural text with its identity markers which value-semantic, associative and expressive content allows to consider them as markers of linguacultural specificity, representing figurative and expressive information.

Key words: proverb, intercultural communication, concept, markers of linguacultural specificity and identity.

Пословица, являясь хранилищем многовекового коллективного опыта нации, отражением «народного стереотипа», маркером типовой ситуации, фиксируя ценностные установки, нравы и устои общества, обнаруживает лингвокультурную специфику и требует своего комплексного изучения в рамках лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Несмотря на частое обращение ученых к вопросам лингвокультурной специфики пословичных изречений и их функционирования в межкультурной коммуникации (С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, М.Ч. Кунашева, В.Н. Телия, А. Вежбицкая), некоторые аспекты требуют своего освещения. Так, в рамках данной статьи представляется актуальным выявить и описать маркеры лингвокультурной специфики vs общности русских и английских пословиц.

Учитывая многоаспектную природу пословичного изречения, объединяющего признаки явлений языка и речи, а также существующие в научной литературе определения, под пословицей мы понимаем уникальный по формальным и коммуникативным признакам этно-лингвокультурный мини-текст, выражающий в концентрированном виде сведения и знания о культуре народа, характеризующийся полифункциональностью, оценочностью, обобщенностью, экспрессивностью и собственной поэтикой. Подобное понимание пословицы позволяет рассматривать ее как средство интерпретации и репрезентации действительности, обладающее, с одной стороны, лингвокультурной самобытностью по отношению к таким же единицам другого языка, с другой – признаками, которые могут рассматриваться как кванторы (маркеры) общности в рамках своей культуры, которые декодируются изначально на уровне когниции, хотя могут присутствовать на нескольких уровнях языковой системы. У представителей другого этноса распознавание и интерпретация маркеров лингвокультурной специфики требует когнитивных усилий.

Таким образом, когда речь идет о способности пословицы выступать отражением и выражением «народного стереотипа», возникающего на основе такого образного представления действительности, который отражает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового сообщества, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [9, с. 13], можно говорить о когнитивном обобщении на уровне образов, ассоциаций и конвенционально закрепленных оценок в рамках собственной культуры и о лингвокультурной самобытности (специфичности) относительно чужой лингвокультуры.

В своем понимании лингвокультурной специфики единиц языка и речи мы сближаемся с рядом ученых (Ю.Д. Апресян, Т.Г. Утробина, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева), которые полагают, что в естественном языке отражается «определенный способ концептуализации восприятия и организации мира, при этом значения, которые выражаются в языке формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию» [2, с. 39], которая воспринимается и распознается всеми носителями языка. Действительно, за кажущейся эквивалентностью языковых единиц, входящих в состав пословиц разных языков, скрываются совершенно разные когнитивные представления, образы, ассоциации и стереотипы, характерные для определенной лингвокультуры.

Следовательно, применительно к пословичному фонду любого языка, необходимо говорить о сложном процессе переосмысления пословичного текста, затрагивающем не только асимметрию плана содержания и плана выражения, за которыми стоит иносказательность и метафоричность пословиц, но и проблему восприятия пословичного изречения представителями другого этноса, понимания ими содержания услышанного и, наконец, соотнесения с собственной языковой и пословичной картинами мира, системой ценностей, в которых существует своя корреляция знания и способа его репрезентации, присущая всем представителям нации в качестве обязательной.

Таким образом, в пословичной картине мира отражается индивидуальная для каждого народа концептуализация действительности, восприятие им окружающего мира и последующее проникновение данного мироощущения в живую речь. Данный факт обуславливает частое концептуальное несовпадение картин мира различных народов. Высокая степень общности лексических значений единиц, репрезентирующих концепт, в данном случае оказывается не результативна, так как не обеспечивает передачи соответствующей образной и ассоциативной информации, понятие о которой конвенционально закреплено в лингвокультуре.

Вместе с тем, лингвокультурная специфика единиц пословичного фонда состоит не только в содержательном, образном и ассоциативном своеобразии, но и в варьирующейся категоричности интенций побуждения и оценки, определяющих нормы и правила коммуникативного поведения, в несоответствиях, обусловленных системно-языковыми закономерностями, в различном векторе аксиологической направленности и ценностных ориентирах. Перечисленные отличия существенным образом осложняют декодирование и интерпретацию содержания пословицы и интенций адресата в условиях межкультурной коммуникации.

Отсутствие наименований или их содержательное или ценностно-смысловое несоответствие в одной из культур значительно осложняют процесс декодирования пословицы, передачу семантики оценочности и экспрессивности. Например, в пословицах: *Криком*

изба не рубится, шумом дело не спорится [5, с. 412]; *Прежде бацьки в петлю не поспевай* [5, с. 665]; *Покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика* [5, с. 239] лексемы *изба*, *бацька*, *денежки* в ценностно-смысловом и экспрессивном аспектах не совпадают с английскими *father*, *house*, *money*, лексическая единица *грошик* также не имеет прямых соответствий. Для представителей русской лингвокультуры данные единицы выступают кванторами общности (маркерами общности), для представителей иной лингвокультуры они же оказываются маркерами лингвокультурной специфики, вызывающими сложность декодирования и понимания. Речь идет «о способности системно-языковых характеристик отражать механизмы когнитивного и лингвокультурного представления денотата, обнаруживая взаимозависимость системных возможностей и лингвокультурных, когнитивных представлений» [3, с. 64]. Именно это и обеспечивает общность восприятия информации в пределах одной лингвокультуры, а также свидетельствует о существовании единого кода культуры, понятного ее представителям.

Маркерами лингвокультурной специфики vs общности могут служить неслыханные личные имена, обнаруживающие на материале русского языка широкое разнообразие словообразовательных аффиксов: *Позвать Ивашку, белую рубашку* [5, с. 7]; *Про горького Егорку поют и песенку горькую* [5, с. 82].

Также сложно достичь ценностно-смысловой и экспрессивной эквивалентности при использовании единиц синонимичных рядов, зачастую не имеющих соответствий в других языках (*мама – мать, матушка, маменька, муж – мужилка, муженек, мужик, девка – молодка, молодца и т.д.*): *Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого* [5, с. 104]; *Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижу сиротой* [5, с. 104]. В приведенных примерах русских пословиц экспрессивно-оценочные оттенки значения лексических единиц, входящих в состав пословицы, возникают на основе переосмысления «главного семантического содержания» [1, с. 15] и связаны «с пониманием и чувственным восприятием окружающей действительности нацией, которое получает свое знаковое воплощение в соответствии с системными возможностями языка и наивными когнитивными представлениями, часто отягощенными в русской лингвокультуре эмоциональными, душевными переживаниями» [4, с. 63].

Частый метафорический перенос в пословице также осложняет ее декодирование в условиях межкультурной коммуникации. Адресат сталкивается с необходимостью интерпретировать не лексическую единицу, а ее образ, для обозначения которого в другом языке зачастую используются отличные языковые средства с соответствующими ассоциациями и конвенционально закрепленной аксиологичностью: *Шмель проскочет, а муха увязнет* [5, с. 318]; *Невеличка птичка, да ноготок остер* [5, с. 273]. Интерпретация пословиц с метафорическим переносом подразумевает использование тождественных в плане возникновения устойчивых ассоциаций лексических единиц, которые выступают маркерами общности в собственной лингвокультуре. Таким образом, декодирование пословицы и поиск эквивалента напрямую связаны с культурой народа, его субъективными представлениями и оценками, особенностями моделирования концептуального пространства, а также «видением знания через «картинку» внутренней формы» [6, с. 4].

Итак, пословица представляет собой особый тип лингвокультурного текста, характеризующийся маркерами общности, ценностно-смысловое, ассоциативное и экспрессивное содержание которых в отношении другой лингвокультуры позволяет рассматривать их

как маркеры лингвокультурной специфики, репрезентирующие субъективно-оценочную, часто образую и экспрессивную информацию. Маркерами лингвокультурной специфики vs общности могут выступать реалии, безэквивалентная лексика, беспрецедентные личные имена, единицы синонимичных рядов с выраженной градуальной семантикой оценочности и экспрессивности, лексические и фразеологические единицы, аксиологическая и экспрессивная маркированность которых отличается в другой лингвокультуре.

Процесс межкультурной коммуникации, под которым понимается «общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» [7, с. 96], а также «процесс... взаимодействия... в рамках несовпадающих (частично, в существенной степени, а иногда и полностью) национальных стереотипов мышления и поведения» [8, с. 97], подразумевает обнаружение в пословице маркеров лингвокультурной специфики и подбор соответствующих маркеров общности в собственной лингвокультуре, с учетом формальной, образной и ассоциативной стороны явления, конвенционально закреплённой системы оценок, системно-языковых возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале современного английского языка. М., 2009.
2. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
3. *Гриченко Л.В.* Вербализация семантики лица в пословичных картинах мира русского и британского народов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (148). Т. 1.
4. *Гриченко Л.В.* Корреляции терминов родства и наименований субъектов в русских и английских пословицах: лексикографический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 5 (58).
5. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993.
6. *Иванова Е.В.* Мир в русских и английских пословицах: Учебное пособие. СПб., 2006.
7. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
8. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная и специфика языкового сознания. М., 1996.
9. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. М., 1981.

14 ноября 2016 г.